

18+

НИКОЛАЙ ТЫЧКОВ

Повесть и рассказы

Николай Тычков
Повесть и рассказы

«Издательские решения»

Тычков Н.

Повесть и рассказы / Н. Тычков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934688-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Природа. Люди. События. Создатель не молчит,
постоянно общается с нами. Как Любящий, которого тянет к любимому
творению. Как Ревнивец, который не потерпит конкуренции. Увидеть,
услышать, пережить и, в конечном итоге, принять Его слова — это наша часть
Великого Общения. Уверен, что эта книга поможет тебе, дорогой читатель,
разглядеть, расслышать Вечный Его Зов.

ISBN 978-5-44-934688-9

© Тычков Н.

© Издательские решения

Содержание

Родина	6
Зарисовки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Повесть и рассказы

Николай Тычков

© Николай Тычков, 2020

ISBN 978-5-4493-4688-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родина

Нет, а реально – что скрывается за словом Родина? Если смотрели «Щит и меч», то, конечно, слышали Марка Бернеса и, по всей видимости, знаете, с чего Она начинается. Ну а чем тогда продолжается? Вообще, что это: территория, очерченная государственной границей? Люди, на ней проживающие? Так, во всяком случае, в моем детстве пытались представить Родину наши учителя.

Если так оно и есть – о территории и людях, то должны быть какие-то глубокие переживания от того, что на ней происходит – это же РОДИНА. Плохо Родине – плохо и мне. Хорошо – хорошо и мне. Правильно? Или что-то недопонимаю? Давайте начистоту. Только откровенно, ладно? Скажите честно: насколько сильно вас касаются трагедии, войны, голод, холод, катаклизмы, если не имеют отношения к вам и вашим близким? Стихийное бедствие: разрушенный город, выжившие, погибшие, покалеченные, спасатели. Страшный теракт: огромное количество изуродованных тел, кровь, стоны раненых, крики потерявших свои семьи... Конечно, это трогает до слез, особенно когда видишь репортажи, слышишь. Только это все «где-то там». Да, в пределах государственной границы, но ТАМ... Казалось бы, цепляет... однако, температура под сорок у собственного ребенка, которую никак не получается сбить третьи сутки, почему-то тревожит гораздо сильнее. Да? Или нет? Пожалуйста, обойдемся без пафоса. Не нужны эти позы: «Да как ты можешь...». Могу. Говорю открыто то, о чем думают все: голод африканских детей всех вместе взятых, помноженный на голод моего родного Поволжья в начале прошлого века, – беда, но, когда на руках синее твой сын (или дочь), почему-то думается только о помощи именно ему, а не об отправке гуманитарной посылки негритянским малышам, простите. Согласны? Если нет, то и читать дальше не стоит.

Так вот, если все это – Родина (за исключением Африки), тогда почему не такие острые переживания? Собрали рекордный урожай в Воронеже, настроили домов для погорельцев, наша армия опять где-то кого-то победила – здорово, казалось бы..., а тут прям хорошо так получилось сэкономить на распродаже – вот это уже радость. Очередной режим К. Т. О. на Кавказе. Перестрелка, жертвы. Печально, конечно, но дочь пришла в слезах из школы... Страшная авария в Подмоскovie, но не выплатили премию, которую уже «потратил» на подарки, например, к 8 Марта... Стерло с лица земли город на Сахалине, а тут стиральная машина потекла и затопило соседей снизу на три этажа. Понимаю, что там – беда. Здесь – ерунда, но в каком случае переживается острее? Только честно. Перед самим собой. Это что? Уровни Родины? Но Она одна, вроде как.

Итак, что же оно такое – Родина? Сахалин? Кавказ? Москва и москвичи? Петербург и питерцы? Умом-то понимаю, что как бы «да», но почему тогда внутри не отзывается? Ну не испытываю трепета перед Царь-пушкой или даже Эрмитажем (в принципе, и Кавказский хребет как-то стороной), а вот места, о которых пел Игорь Тальков, те «да», и сильно:

У каждого из нас на свете есть места,
Куда приходим мы на миг отъединиться,
Где память, как строка почтового листа,
Нам сердце исцелит, когда оно томится.¹

¹ Игорь Тальков песня «Чистые пруды».

Так что же значит это слово – «Родина»? Однажды получил ответ на понятном мне языке.

По молодости занимался спортом. Занимался серьезно. Тренировки были шесть раз в неделю, а перед ответственными соревнованиями – по двенадцать. С понедельника по субботу: утром кросс и работа в зале, потом школа, домашнее задание, короткий сон и вечером основная тренировка. Двадцать четыре раза в неделю проходил по одному и тому же маршруту: туда двенадцать и назад двенадцать. Через какое-то время стал ловить себя на мысли, что совершенно не думаю о дороге. Отвлеченные темы, картины, что рисует воображение, полностью переключали на себя внимание, а ноги по привычке приводили к знакомой двери. Только одно событие возвращало в реальность: из подъезда старой двухэтажки с громким брёхом выскакивала собачонка дворняжной породы. Ну, правда, не совсем дворняжной. Если у Шарика из булгаковского «Собачьего сердца» бабушка согрешила с водолазом, то здесь явно без болонки не обошлось. Такой кудрявенький, маленький, беленький, захлебывающийся, аж до визга в лае комочек с черными точками – глазами останавливался в паре метров и бегом назад в своё убежище, откуда с чувством выполненного долга наблюдал за дальнейшими передвижениями облаянного пешехода. И так каждый заход туда и каждый заход обратно. Что только ни делал: вооружался снежком или палкой, старался криком остановить пса еще на выходе, пытался не обращать внимания – без толку: выбегал, обрехивал, возвращался. Вроде и привык уже как-то, но чуть задумаешься о звездах – пропустишь нужный момент, купаясь в сладких мечтах, и – бах! Доза адреналина перед тренировочкой.

Потом пришло время уезжать. Надолго. Пять или даже шесть лет дома бывал лишь наездами, а во время службы, так вообще, только из писем узнавал последние новости. Но вот, наконец, вернулся, как тогда думалось, навсегда. Много чего изменилось. Да и сам, конечно, стал другим... килограммов пятнадцать ненужных на себя повесил. Возникла острая необходимость войти в стандарт. Но как? Диету даже не рассматривал: голодаешь, голодаешь, потом как сорвешься... Решил, что лучше умеренные физические нагрузки – походить в свой спортзал. Почему-то тянуло именно туда. Не просто побегать кроссики, попрыгать, в бассейне поплавать, турнички, опять же, для мышечного тонуса. Нет, нужен старый зал. Почему? Трудно сказать. Может, «давненько не брал я в руки шашек»? Может, привлекала идея поработать с молодыми зубрятами, которые только и мечтают повысить свой статус через поправление авторитета старой гвардии? Или самому хотелось утвердиться за счет неопытности молодых: смогу ли быть с ними на равных? Не полностью ли ушли силы и навыки? Не скажу точно, но вся внутренность горела от нетерпения скорее получить ответ на гоголевский вопрос: есть ли еще порох в пороховницах. Короче, себя показать и других посмотреть. Узнал время занятий, собрался и пошел.

Морозило. Вечерние сумерки в бесснежие казались еще темнее. Сухой асфальт, покрытый светлой пылью, белел на фоне застывшей грязи и жухлой травы газонов, подернутой блестками инея. Пар от дыхания, пропуская через себя холодные лучи уличного фонаря, растворялся в прозрачном стильном воздухе. Плотно закрытые окна терпеливо копили секреты кухонь и спален своих обитателей, чтобы болтливым летом, словно изголодавшиеся дворовые сплетницы, расплескивать их по улицам, искушая души любопытных обывателей. Шагов было почти не слышно, но стоило оступиться в окружающей полутьме, и резкий шаркающий звук, многократно отраженный от стен, заставлял сфокусироваться остекленные светящиеся глаза, в звенящем негодовании взглянуть на возмутителя спокойствия, гневно проводить его, чтобы после, успокоившись, опять затянуться пеленой забвения. Оставшиеся после дождей лужи были покрыты приличной ледяной корочкой, чем не преминула воспользоваться дворовая ребятня, раскатав для себя скользкие дорожки. Сейчас их создатели сидели в своих уютных кухнях

в теплых тапочках на босу ногу и плюшевых пижамах, допивая сладкий чай с печеньем, а они, сиротливо поблескивая отполированной гладью, смиренно ожидали завтрашнего продолжения веселья. Лениво разлепляли глаза на темнеющем небе первые звездочки. Подмигивая своим едва заметным мерцанием, они недвусмысленно давали понять, что к ночи еще больше разморозится. Четвертинка луны робко выглядывала из-за крыши. В редких прохожих, что возвращались после затянувшегося трудового дня, легко угадывались знакомые силуэты. Кто-то приветливо останавливался поздороваться, кто-то, усердно не замечая, пробежал мимо, не считая необходимым из-за такой мелочи хоть на секунду отсрочить тот прекрасный миг, когда, оставая за порогом всепоглощающую суету, с хлопком двери облегченно выдыхаешь: «наконец-то я дома».

Ощущение чем-то похожее на Новый год. Знаете, когда, казалось бы, ты только час назад был на улице, а теперь вышел, видишь все то же самое, но другое. Тот же снег, но уже ПРОШЛОГОДНИЙ. Тот же двор, но был ты здесь последний раз в ПРОШЛОМ году. Еда на праздничном столе, но она уже не та – ПРОШЛОГОДНЯЯ. Умом понимаешь – бред, но почему-то все равно по-другому, таинственно как-то. Так и сейчас. Картина до боли знакомая, но оно какое-то не такое, другое. Даже тотальное засилье автомобилей не способно было стряхнуть это сладкое наваждение.

А еще похоже на... русский язык. Постараюсь, чтоб понятно было. Знаете, есть более богатые языки, например, греческий. В нем на одно только слово «любить» точно есть шесть слов-категорий: «агапе», «строгэ», «прагма», «мания», «филио», «эрос» – и каждое о своем, у нас одно – «любить». Но наш язык – он изящный. Он мало подчиняется правилам, не о правописании сейчас. Он – мягкий. Можно лепить из него как и что пожелаешь. Огромное поле для словотворчества. Поставил свою приставку, и вот уже изъезженное определение приобретает новый, еле уловимый не на информационном уровне, но чутьем, душой осязаемый смысл. Сравните, есть общепринятое «прорезывается». Первый зуб, росток. А возьми и измени приставку на «вы-». Казалось бы, лексическое значение не изменилось, но как красиво: «Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли»². Вроде одно и то же, но нет. Тот, кто видел, подтвердит: месяц именно вырезывается.

Так и здесь – все знакомое, все старое, но словно некто невидимый понавставлял едва заметных изменений-приставок, и уже по-другому. Так же, но по-другому. Трубы, тропинки, которые неизменно натаптывают, чтобы срезать прямые углы асфальтовых дорожек. Скрипучие качели, баскетбольные щиты без корзин. Дома, запах. Все – как было, но новое. Будто ждало тебя, тосковало, а теперь так радо вновь встретиться.

Я вернулся в свой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез...

Под эту песню на стихи Осипа Мандельштама в средней школе наш классный руководитель придумала номер: пара танцует вальс³. Тогда никак не мог понять этих строк. Может, потому, что впервые танцевал с девочкой – не о том думалось. Может, время тогда еще не пришло – не дорос.

² Н. В. Гоголь «Майская ночь или утопленница».

³ Исполнитель А. Б. Пугачева, песня «Ленинград».

Кстати, а вот ее окна... мы долго, помню, потом записочками обменивались. Казалось, все так серьезно.

Балкон друга. Сколько раз испытывали терпение соседей, когда хором с утра или в ночи вызывали его на улицу. Это называлось у нас «позвонить». Лень было на четвертый этаж подниматься, а сотовые... Да какие тогда сотовые...

Подъезд. Наш подъезд. Где и сейчас, через краску капитального ремонта, проступают следы летописи «вечной» дружбы.

Железный стол между двух тополей, лавочка, кирпичная трансформаторная будка, турники и еще куча «мелочей», составляющих окружающий ландшафт, тех, что сторонний наблюдатель просто не заметит, а для понимающего – целая эпоха.

Следующий двор, с которым была постоянная вражда. Но и здесь окна друга-одноклассника, куда, по выражению его родителей, мы приходили «в третью смену» чаевничать. Тогда и сейчас удивляюсь их терпению и гостеприимству. Настолько искренне радовались, приглашали за стол, потчевали чем Бог послал. Ни разу голодными не отпустили.

Старая лужа перед гаражами, глубину которой мерили в детстве. Чем длиннее голенище, тем дальше зайдешь, тем большим героем окажешься в глазах друзей. Сапоги были чемпионские, но уже здорово малы в щиколотках. Когда попадала вода, стягивать получалось только с помощью мамки. А к концу лета ловили там головастиков.

О! А здесь жила девчонка, та, что впервые наглядно продемонстрировала: всего одна женщина в мужском коллективе – и это уже бомба. Как она убедила нас, четверых парней, взять билет из Москвы на время, которое только ей представлялось верным? Все же были против... но ведь смогла же. Как бежали потом, чтобы не опоздать на поезд. Как потом мерзли на зимнем вокзале, ожидая еще три часа первого автобуса. Что только не выслушала, каких только зарокос себе не давали. Во истину великая сила...

А это – в прямом смысле – «до боли» знакомая проволока. Такую часто натягивают между двух труб, похожих на грабли, только зубцами вверх, чтобы сушить белье жителям первых этажей. Тропинка пролегает как раз под ней. Летом хорошо, а вот зимой, когда слой утоптанного снега заметно сокращает расстояние до земли и темные вечера здорово маскируют ее на фоне стены дома... Эх, сколько раз, пока не выработался сезонный рефлекс, получал, когда задумывался о звездах, по лбу. Падал, отряхивал шапку, ругался, обещал в сердцах себе и местным срезать под корень, чтобы не натянули новую. До боли знакомое место.

Дыра в бетонном заборе, заваренная решеткой из арматуры, через которую теоретически можно было заметно сократить путь...

Чем ближе к залу, тем поток мыслей становился плотнее. Представлялось: как войдешь, как протянет ладонь старый тренер, окинет взглядом, чуть склонив голову набок, и скажет чего-нибудь типа: «Помним, помним. Давненько не было видно, но наслышаны. Как же много тебя стало. Сколько вешишь-то? Будем удалять излишки, готовить, так сказать, формы к купальному сезону». Кто там из «ветеранов» еще занимается? Кому что скажешь, кому руки пожмешь? Кучами картины из прошлого всплывали в памяти: чаяния, сомнения, а над всем этим какая-то сверхъестественная радость от предвкушения встречи.

Вот здесь-то посреди таких размышлений, бесцеремонно оборвав, словно окатив ледяной водой, меня и настигла Родина. Аж подпрыгнул, когда из того же подъезда выскочило это постаревшее и охрипшее лохматое чудовище. Не добежало, облаяло, развернулось и стремглав назад.

Что пережил? Трудно описать, даже где-то стыдно, что ли. Не знаю... но так захотелось догнать, схватить, расплакаться, прижать и расцеловать прямо в эту мохнатую морду. Есть ли такие слова? Можно ли подобрать аллегории? Не нахожу. Но тогда каждой клеточкой своего тела, каждой фиброй своей души, каждой частичкой моего естества ощутил – здесь Родина.

Тот пес давно уже сгинул. Зал остался. Но всякий раз, когда поклоняешься в собрании или наедине, вновь и вновь окунаешься в это состояние: томление, слезы, непонятная тоска и радость. Безмерная радость, которую никто и ничто не сможет отнять, потому что она внутри, она не зависит от внешнего. Переживание Родины – Истинного Отечества, открытого Богом через безымянного пса.

13... радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле;

14 ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества.

15 И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться;

16 но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.
Святого Апостола Павла послание к Евреям 11 глава, 13, 14, 15, 16 стихи.

Зарисовки

Зарисовка 1. Как в детстве

Только пришел из армии. Деньги кончились неожиданно. Надо работать. Было прекрасное место перед службой, но директор посоветовал отдохнуть пару, а лучше тройку месяцев, потом вернуться к разговору. Папка получил разрешение встать на промысел на одном из островов.

Зима. По льду около десяти км. В одну сторону. В обед туда, забираем рыбу, по темноте уже назад. С утра до полудня реализуем, и снова туда. Так по кругу. В принципе, и нетрудно, когда привыкнешь. Есть две проблемы.

Номер один – это оттепель. Когда светло – все понятно, а вот назад... Тонкий слой воды надо льдом не отличишь от чистой воды в майне – промоине. Если в мороз прекрасно видно темное пятно, то здесь абсолютно одинаковая гладь (или рябь). Идешь медленно, устаешь быстро. От напряжения.

Номер два – салазки – самодельные санки большого размера. Минимальная партия рыбы – восемьдесят килограмм, максимум – сто шестьдесят. Одно из полозьев было смещено, отчего наши бендюги с упорством слепого котенка заваливали влево. Когда пусто – не чувствуешь, а вот когда полтора центнера везешь... Мы с другом впрягались каждый в свою веревку. Один с одного края, другой с другого – и тянули что есть силы. Через какое-то время начинаешь замечать, что партнер слегка «сачкует» (если тянешь лямку слева). Когда это «какое-то время» удваивается, начинаешь сурово поглядывать, намекая, мол, может, напряжешься чуть-чуть. А потом уже раздраженное: «Лех, хорош, тяни давай». Ответ стандартный: «Да тяну, вроде». Это как нести холодильник: кому повезет. Схватился за нижнюю часть, ощутил в полной мере вес компрессора своими пальчиками. Посчастливилось держаться за верхнюю крышку – радуйся молча, не вздумай сказать по наивности: «Чёт легкий какой-то». Дефект, а вместе с ним и причину взаимного недовольства, обнаружили на четвертый-пятый заход.

Так вот, когда две проблемы совмещались... Это были самые суровые испытания нашей дружбы.

Отец рыбачил не один. Его товарищу однажды случилось совершенно необходимым оказаться в городе. После удовлетворения сей необходимости идти было ой как тяжело. На середине пути, когда мороз многократно умножается пробирающим насквозь ветром, было сказано: «Вы идите, а я сейчас полежу, отдохну и вас догоню». Никакие уговоры поднять не смогли. Что делать? Ведь замерзнет. Помог встать на ноги и потихонечку, аккуратно на себе в сторону землянки, где и жили рыбаки, понес.

У нас на реке ставят снасть под лед, а чтобы потом не разбивать заново, закрывают прорубь сухим камышом и закидывают снегом. Дыра получается с канализационный люк. Даже не понял, что произошло. Неожиданно – край у глаз, так же неожиданно – уже наверху оказался. Испугаться не успел, а вот промокнуть насквозь, увы. Испугался товарищ, который, потеряв опору, рухнул и снизу вопрошал о моем самочувствии. Как тоскливо сдирать с себя сырую одежду на морозе, усиленном ветром, чтобы выжать. И как же пакостно ощущать уже практически одубевшую ткань, надевая её. Знаете, после этих происшествий дядя

Саша заметно ободрился. В смысле был применен армейский метод вдохновения на подвиги личного состава. Мы догнали папку и моего друга, потом их обогнали. Затем бегом назад опять отстали и снова обогнали... И таким образом до самого до острова. Леха говорил, что от команды: «Бегом (здесь самооцензура). Бегом я сказал», – тоже инстинктивно увеличивал темп. Ну не одному же греться, правда?

Рыбу выбирали без меня, отец показал, где под снегом лежат дрова и бутылка с соляркой. Огромная печка, сделанная из двухсотлитровой железной бочки, занимала треть свободного пространства. Лежак на двух-трех человек, небольшое застекленное окошко, звенящее от ударов мелких льдинок, поднимаемых поземкой, дверь, неплотно закрывавшая вход, и пол квадратного метра земляного пола, куда можно свесить ноги, сидя на лежаке.

Печь была набита дровами под завязку, солярка била резким запахом. Сначала медленно принялась пропитанная ветошь, за ней огонь пополз по мокрой от тающего снега древесине. Вот занялись мелкие веточки, потом чуть покрупнее, и, наконец, затрещали влажные полена, загудела труба от тяги.

Печка действительно была огромной для такого объема. Землянка прогрелась за десять минут, а через пятнадцать – уже снимал с себя ещё влажную одежду и развешивал на многочисленные гвозди, вбитые в потемневшие осиновые бревна – стены.

Укутавшись в старое ватное одеяло, лежа наблюдал за огнем. Как тот задорно и быстро, с веселым треском пожирал дрова. Слушал, как жизнерадостно, с запалом, набирая обороты, гудела свою мелодию труба. Как бесновалась вовне, там, за дверью, вьюга. Как она скреблась своими коготками-льдинками по оконному стеклу, выла, пробиваясь в щели, метала снежные комья, закручивала вихри, пытаясь морозным дыханием вернуть свою абсолютную власть. Но куда ей... Стенки бочки и труба покраснели.

Вдруг все исчезло, и ты уже не в землянке, а летом, на песчаном берегу, с друзьями. Плещешься, брызгаешься, смеёшься. Потом опять жар раскаленной печи, вой вьюги, нежный звон стекла. Что за состояние? То провалишься, то опять возвратишься. Нега? Дрема? Упоение? Это как в детстве. В книжке, где на стихотворение: Светлячок зажег фонарик почитать что-то там в рифму букварик, была нарисована чудная картинка. Представляйте, если не видели. Темно. Цветок с закрытыми лепестками – домик светлячка. Маленький фонарик, такой, знаете, как в фильмах про 18—19 век: четырехгранный, с огоньком внутри. Вот у светлячка такой же. Через небольшое оконце видно, как уютно он устроился в своем домике почитать. Крошечный столик, кровать и покой... Тайком от родителей я пытался воссоздать ту атмосферу, которую так удачно получилось передать художнику. Прятал под подушку фонарь, и когда, пожелав спокойной ночи, мамка закрывала дверь, включал его, устроив норку из теплого одеяла. И смотрел. Просто смотрел. И чем дольше смотришь, тем отчетливей осознаешь, что ты и есть тот самый светлячок, в том самом цветочке, с таким же, как на картинке, фонариком. И, конечно же, вокруг никакого не одеяло, а закрытые лепестки тюльпана, за которыми вовсе не комната, а самая что ни на есть настоящая ночная лесная поляна, которую под мерное стрекотание цикад чуть освещает проникающий наружу приглушенный полупрозрачными стеночками твоего жилища свет.

Опять вой пурги, опять печка. Опять провал. Только теперь – новогодняя открытка. Там же, из того же возраста, из детства. Маленькая деревенька из четырех-пяти дворов на полянке посреди большого темного леса. Зима. Мороз. Снег везде: на крышах, на резном

наличнике, по плетню белая бахрома, гнет лапы старых елей к земле. Занесло дороги, тропинок не видно, около крыльца большой сугроб. Безветренно. Дым из трубы растворяется в ночном звездном небе. Месяц. В окошках свет. Какая-то упоительная уединенность и защищенность. И ты понимаешь – там тепло, хорошо, спокойно. Туда, туда, там хочется оказаться, там встретить Новый год. Без суеты, без предпраздничных забот, без телевизора, без электрического света, со свечкой, уютно на печи, завернувшись в одеяло, слушать сказки, наблюдая за таинственным снежным сиянием через небольшое оконце.

Бах! Бабах! «Ну все, одевайся, поехали». Куда?! Туда наружу, где не перестает, а только усилила своё негодование вьюга? Откуда?! Отсюда, где как светлячок? Где как на новогодней открытке? Да вы за кого меня держите, господа-товарищи... Отвечаю как булгаковский персонаж, который предполагал на предложенный ему с утра выбор встать или расстрел, сказать: «Стреляйте». Что в тех реалиях звучало как: «Вы что, озверели? Никуда я не пойду». Тишина. Дядя Саша первый подал голос: «Ну и правда, и не надо никуда идти, места хватит». А мудрый папка тихо произнес: «Рыбу люди ждут». Люди... Ждут... Встал, оделся, вышел... Детство прошло...

Однако мерцание звезд в неосвещенной городским огнем черной выси, блеск снега, вторившего этому причудливому сиянию мириадами холодных искр, хруст под ногами и полозями санок вопреки здравому смыслу настойчиво убеждали, что вернусь туда и пребуду в нем вечность.

Зарисовка 2. Дождик

Для кого как сложилось проводить время своего летнего отпуска, а в нашей семье существует традиция выезжать дикарями на острова. С самого начала, со дня свадьбы. В смысле после, как отгуляли, повез жену в свадебное путешествие... на остров. На двое суток. Надо сказать, что изначально привык располагаться без удобств. Зачем палатка? Лег около костра, завернулся в брезент и спи. Холодно стало – либо дров подкинь, либо собаку обними. Зачем воду с собой таскать? Река рядом – пей, хоть упейся. Стол, стул, теплые вещи... да я Вас умоляю. К чему везти столько ненужного барахла? Но здесь молодая жена. Человек неискушенный в жизни на лоне природы. Поэтому у друга взял палатку... и все. Только палатку. Одеяла, матрас, подушки. Зачем? Палатка же есть.

Супруга делилась, что это были самые длинные в ее жизни ночи. Страшно давила на ребра жесткая «постель». Без подушки «отваливалась» шея. Одеяла нет. Конец августа, после заката тянет стыллой осенью. В палатке зябко... и чтобы согреться, новоиспеченный муж по привычке обнял и прижал к себе кого? Правильно – собаку. Я еще не сказал, что она с нами под одной крышей ночевала? Комары и прочие насекомые... Самые длинные ночи.

Зато после такого боевого крещения мы обросли своей трехсекционной палаткой, полом, складными стульями и столом, плитой с газовым баллоном, штукой с труднопроизносимым названием, куда можно складывать продукты без риска проникновения насекомых, канистрой с душем-лейкой (как же на острове и без душа?) и еще много чем, так, что в три захода на автомобиле приходилось грузиться в лодку. Три полных автомобиля... вам и не снилось, называется. Но так оказалось удобно. Молодец у меня жена. Сам бы не додумался.

Принципиально отказываемся от компьютера, телевизора в пользу живого общения с детьми и друг с другом. Действительно здорово. Купание, игры, строительство песочных зам-

ков, конкурс на лучший прыжок с лодки, ночные посиделки у костра, настольные игры в пологе при пламени свечек, гитара, песни, разговоры о самом главном. Естественно, обязательный атрибут островной жизни – хруст песка на зубах. Хождение по самой небольшой нужде метров сто пятьдесят в один конец (мышцы здорово укрепляются и килограммы сжигаются). Смещение уровня личной гигиены с домашнего «Ты руки вымыл?» до робинзоновского «Отряхни ручки от песка и садись». Понимание, что употреблять в пищу можно все со всем и в любой последовательности. Более ранние отбой и, соответственно, подъем. Ибо, как бы ты не прятался в тень, солнце с утра тебя находит.

Конечно, едут с нами друзья. На день-два, может три. Дети приглашают своих. Эти более крепкие, сперва, правда, чуть-чуть покапризничают, потом привыкают. Уезжают со слезами. Так было и в этот раз. Приехали погостить в наш лагерь две семьи. Все как обычно – визг, смех, игрушки по берегу разбросали. Погода стала портиться.

Сначала ветерок стал поднимать на воде рябь, постепенно перерастающую в неплохую волнишку. Белые «барашки» набегали на песчаную отмель, подарив детям новое развлечение – прыгать через волны. Потом небо стало чернеть. Ветер усилился. Покрывала, как паруса, набирая тугими ткаными легкими потоки, перемешанные с многочисленными песчинками, затеяли веселую игру «удержишь – не удержишь» со своими спасителями.

Ураган. Поднялся настоящий буран из смеси песка, водной пыли и редких крупных капель, срывающихся с низкого неба. Вот уже по краям под натиском мощных порывов стали складываться сухие деревья. Одно из них упало точно на стол, где был спрятан пакет с фонариками. К счастью полог стоял в глубине леса, куда тесный барьер из густорастущих осин, тополей и вязов, фильтруя, пропускал лишь тихое веяние. Поместились все. Грызли печенье, сидели и восхищались, словно зрители в огромном кинозале, силой и диким великолепием первозданного мира.

Дождь ударил неожиданно. Ветер как-то резко стих. Поток бил настолько плотно, что за ним не было видно даже края воды, хотя отделяло всего-то семь-восемь десятков метров, не говоря уже о противоположной стороне, до которой было не меньше километра. Мощные струи колотили в натянутую крышу полога подобно тысячам барабанных палочек, с невообразимой скоростью стучащих по тугой пластиковой мембране. От этого внутри было... С чем бы сравнить? Доводилось ездить по русским дорогам на русском автомобиле без глушителя? Вот, что-то похожее.

– Подай воды!

– А?

– Воды, говорю, подай!!!

– Чё?!

– Да, ладно, я сам уже.

– А?

Снаружи пелена. Внутри ничего не слышно, только шум, превратившийся в гул. Укутались в одеяла, греемся сладким чаем. И вдруг... оглохли. Сразу, массово. Звук выключился полностью, казалось после дикого рева. Что это? Переглянулись, осмотрелись. Так же не видно берега, так же держится над землей водяная дымка, поднимаемая несчитанными тоннами, ниспадающих из хлябей небесных. Но абсолютная тишина.

Я вышел и обомлел. Такое, действительно, встречаешь раз в жизни. Ровная стена, резко очерченная граница разделяла две стихии. Как волшебное зеркало – шаг и ты оказываешься в совершенно другом мире. Развел руки в стороны. Одна сразу промокла до нитки, на другую не попало ни капли... Стена отодвинулась на несколько метров, потом ещё, ещё и ещё. Вот она уже на воде, где намного отчетливей прорисовывалась граница между кипящим бешенством и абсолютной безмятежностью. словно невидимая рука провела незримую, но вполне осязаемую черту, которую ненастье не в силах было преодолеть. Вот уже видны очертания противоположного берега. Вот стали различимы кроны деревьев, силуэты домиков. Вот проявились заборы, столбы. Дождь ушел. Завороженные, взявшись за руки, мы, молча, стояли на парящем берегу.

А потом была Радуга. Она появилась так же внезапно, как дождь. С запада на восток, с востока на запад – через все небо. Высокая, яркая... волшебная. Изгоняющая своим ослепительным сиянием давящую серость туч. Радуга завета. Боевой лук, направленный в Небеса.

Зарисовка 3. Про лодку

Молодость она и есть молодость. Там все легко. Не зря же ее связывают с прилагательным «беззаботная». И никуда она не уходит, не убегает, поэтому и гнаться за ней смысла не имеет. Ее оставляют – забывают. Не вдруг, а чаще постепенно. Потихоньку прагматизм побеждает в одной сфере, затем в другой. Тут же и рационализм атакует, захватывая бастионы творчества и удали. Но сколько раз наблюдал: чуть подними, сорви этот нанос забытой песней или общими забавами, теми самыми, что так любим вспоминать, встречая старых друзей – и все! Просыпаются в этих понурых, обремененных житейским опытом дядьках мальчишки, которых знал раньше. Оживают глаза, смех становится искренным, готовы, как молодые пионеры, к приключениям. Смотри и решай сам, дорогой читатель, хорошо это или плохо, а что по мне так – это замечательно.

У автора этих строк всегда была (и есть) лодка-гулянка. В длину около девяти метров. Это не то чтобы яхта, но железное корыто с мотором и небольшой рубкой, где можно посидеть, полежать, переждать, например, ненастье, а вот постоять не получится – низковато.

Сейчас очень строго с безопасностью пассажиров, в то же время разговоры о спасательных средствах, о перегрузе – это все в пользу нищих. Да и о каких индивидуальных спасательных средствах может идти речь, если номер на борт и удостоверение на право управлять маломерным судном получил лет через двенадцать-тринадцать после интенсивной эксплуатации. Никто ничего не требовал в те времена, не контролировал. Практически абсолютная анархия.

Мотор расположен ближе к корме (задняя часть судна, если что). Поэтому центр тяжести смещен туда же. Это важно, сейчас объясню, почему. Когда дует сильный низовой (против течения) ветер, задирается неплохая волна. В такие дни мы собирались компанией в три-четыре, а то и пять человек, усаживались поближе к кормовому срезу, чтобы еще больше сместить равновесие назад, и отчаливали.

Кто что говорит, спорят, мол, как мерить, но лично выходил в двух метровую волну. Это когда между гребнями идешь, встаешь в полный рост, а она реально выше тебя и намного. Говорят, что бывает и больше. Проходила недалеко от нас регата: красиво: яхты, паруса – так вот перевернуло процентов семьдесят участников. Шли сообщения о трехметровой волне. Может быть, и разгоняет на отдельных участках.

Так вот забава заключается в следующем. Один аккуратно, чтобы не смыло, перемещается на нос лодки. Садится, свесив ноги, таким образом, что сам нос находится между коленок. Держится за тонкий поручень. Игра начинается. Выбирается самый большой вал поблизости. Выруливаешь прямо на него. Инерцией, которую набирает лодка при скатывании с соседней волны усиленной гребным винтом на полном газу, нос с «пассажиром» выбрасывается в совокупности с высотой гребня метров на пять – это в реальности. По ощущениям же все пятнадцать. И «стремительным домкратом» (на всякий случай, если кто не помнит, – Ильф и Петров) вниз. Но цимус даже не в том, хотя пробирает до самых, так сказать, глубин. Не было ни одного, кто мог бы, не издав ни единого звука, пережить эти падения. Так вот, о цимусе. Летишь ты в огромную пенящуюся стену воды – в другую волну, врезаешься и, в зависимости от её высоты, погружаешься по пояс, по плечи, а бывало и с головой. А потом опять резко вверх и опять стена, что пробиваешь собой вместе с носом судна. И опять, и опять, и снова, и еще... Адреналин зашкаливает – трясет. Самый крепкий в хороший ветер выдерживал до десятка таких циклов. Больше никак. Возвращаешься на корму – дрожь не унимается минут пятьдесят. Не помню, чтобы кто на второй круг соглашался. Повторюсь – нужна добрая волна. В слабую – наискучнейшее мероприятие.

Опасностей много, впрочем, не больше, чем у любого экстремального отдыха. Это, конечно, и возможность сорваться под винт, перевернуться, попасть под более крупное судно, просто оказаться в воде без спассредств один на один со стихией. Но самая главная угроза – заглохший мотор. Как только лопасти замирают, лодка становится неуправляемой. Тут же разворачивается бортом к волне. Качнуло раз, два – первый хлюп – зачерпнула через край. Следующий быстрее – тяжелее стала. Дальше еще быстрее. Пять-шесть таких хлюпов – и добираться до берега на подручных средствах.

Мы попали как-то в такое положение. Причем, казалось бы, в совершенно безобидной ситуации. Шли по воде в другой город к родственникам. Четверо мальчишек, две девчонки. Мотор стал чихать, подтраивать. Решил пристать к берегу, почистить и продолжить наш путь. Земля была совсем уже рядом, инерции должно было хватить. Заглушил, стал выворачивать свечи (проблема действительно была в них), увлекся. Только как-то сильно качнуло. Еще раз, но уже сильнее. Поднял голову и увидел картину. Две огромных свинцовых горы. Мы посередине. Яркая лазурь летнего неба меж двух вершин, закругленных, словно белой шапкой вечного снега, барашками.

Тряхнуло. Не учел, что ветер был от берега, вот и вынесло в самое пекло. Вёсел нет, мальчишки застыли. Одна из подружек вцепилась до «белых пальчиков» в борт и шептала, натянуто улыбаясь: «Все ведь будет хорошо, все будет хорошо». Другой было легче. В смысле она не боялась. Перекинулась через борт и кормила рыб тем, чем позавтракала буквально за час до этого... Морская болезнь.

Тогда и обратился с речью к парням, сказав что-то типа: «Мужи! Оказались мы в крайне тяжелом положении, не удалось нам избежать затруднений и вреда. Но ободритесь...». Где-то так, такими примерно словами. Дружески похлопывая по спине, затылку, щекам, носам. Руками, ногами, кулаками, локтями, коленями... Заставил-таки быстро разобрать слани на доски, поставить лодку носом против волны и выгresti на сушу. К тому времени пару хлюпов уже успели схватить.

Вычерпали воду, почистили свечи, завелись и без приключений: сначала туда-туда потом там-там, а затем и обратно.

Я поделился с папкой этим злостью, на что он дал совет. В такой ситуации необходимо с носа выкинуть хороший якорь (а лучше два в разные стороны). Лодку развернет водорезом к волне, а чтобы сильно не мотыляло, неплохо бы с кормы на веревке сбросить большой пучок веток, который будет работать как стабилизатор – оперение у стрелы.

Волна бывает разного цвета. То она зеленая, то буро-коричневая, иногда свинцово-серая. Но всегда это стихия. Каждый раз, когда посреди бушующего и пенящегося ада, вместе с прощальным хлопком-выдохом двигателя, наступает леденящая душу тишина, холодеет и сжимается что-то внутри, ослабевают мышцы, немеют пальцы. Сознание, обремененное жизненным опытом, упорно выдает безнадежное «Все!». На память тут же приходят истории о погибших рыбаках. То один лишь Якорь, безопасный и крепкий Якорь, который уходит туда, в глубину, где его самого не видно, дает надежду. И Цепь. Цепь, которая связывает тебя со спасением.

Да, иногда приходят в жизни моменты: бултыхает во все стороны, вертит во всех проекциях, кренит, угрожая опрокинуть, поливает так, что не остается сухого места. Да, видишь, что кто-то оцепенел, кто-то бьется в истерике, кого-то выворачивает наизнанку, иной кричит, что ничего не получится, погибнем. Но точно знаешь, что пока держишься за Цепь, пока фиксирует лодку этот невидимый твоим глазам Якорь, ты в абсолютной безопасности. Ни одного хлопья. Переждешь, починишься и продолжишь свой путь.

...надежда, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус...

Послание к евреям

Святого апостола Павла 6 глава: 18,19,20 стихи

Зарисовка 4. Про лес

Как здорово бежится по упругим иголкам в сосновом бору, словно по резиновому покрытию спортивного манежа, куда так часто по молодости выезжали на областные соревнования. Как легко дышится очищенным зеленью воздухом, будто и не было этих пройденных километров. Только шишки, предательски похрустывая, неприятно вдавливаются в подошву, нарушая абсолютную идиллию.

По снегу – лыжи, по сухому – кросс. А можно просто: пешая прогулка одному или с женой, с детьми, с товарищем. Засветло или по темноте – тоже не важно. Постоять у костра допоздна, когда с утра вставать не надо. Пропахнуть дымом, пожарить хлебные корочки.

Лес прекрасен. В любое время года, в любое время суток. Задержишься по работе или же нарочно выбегаешь попозже – и наслаждаешься красотой заката. Когда столбы сосен горят, отражая последние лучи засыпающего светила, сказочным красно-коричневым светом. Словно мифический огонь, избирательно охватил только ствол, удивительным образом не захотев притронуться к укутанной рыхлым серым пеплом сумрака хвое. Поражающая своей контрастностью картина: вырастающие прямо из земли яркие языки пламени в центре и темное бесформенное призрачное нечто вокруг. Это стоит увидеть. Среди этого великолепия стоит оказаться.

Ночь. Массы чуждых звуков вырываются после дневного заточения наружу. Треск дров приглушает их, но стоит задуматься, засмотреться на угасающие язычки, упустить момент –

и какофония потустороннего мира охватывает твоё естество, пробуждая первобытный страх. Вот с жутким скрежетом, словно под огромной ногой великана, оторвалась и рухнула где-то неподалеку, заставив с опаской оглянуться, отжившая свой век большущая ветка, увлекая за собой мелкий сушняк. Вот тяжелые шаги пыхтящего ежа, снующего совсем рядом в поисках пищи, однако, не позволяющего себе выйти из-под прикрытия темноты. Пронзительный крик совы, выискивающей своим зорким взглядом притаившихся мышей. Теплый весенний ветерок дохнул и бесследно рассеялся среди пушистых лап. Вздогнули и лениво шевельнулись кроны высоких сосен на фоне неподвижных холодных звезд, подобно задумчивой красавице перед старым зеркальцем, что, сидя на лавке в хате с низким потолком при свете лучины, проходит резным гребешком по черной волне волос. Сухие шишки тысячами деревянных киянок вразнобой застучали по сучкам. Мириады желтых иголок едва уловимым шорохом мягко улеглись и слились с узором колючего ковра. Как порох, чуть коснувшись мерцающих угольков, вспыхнула высохшая сосенка. Засветились глаза лисицы в молодом ельнике. Затряслись, заплясали над головой посеребрившие пышные ветки. Вспорхнула ночная птица. Засуетился, засопел неожиданно оказавшийся в круге света еж, неуклюже завертелся на месте. Спасаясь, затопал своими кривыми лапами, развернулся и исчез, поглощенный тьмой. Туда же вслед за ним, растворяясь в отступившей темноте, медленно отошел и страх.

Туман на дороге заставляет напрячься, сконцентрироваться. Это недруг. Особенно когда плотный. Устаешь от движения на второй-третьей передаче. Время растягивается, усталость накапливается. Стараешься поймать асфальт, найти оптимальный свет. В лесу все по-другому. Размытые формы, призрачные силуэты рожают ощущение иной реальности, где нет ничего абсолютного, где все мягко и бесформенно, где ты – творец окружающего тебя мира – волен лепить все, что заблагорассудится. Это дерево? Может в ясную погоду оно и так, но сейчас перед тобой не что иное, как мельница с огромными крыльями, ждущая своего Дон Кихота. А это? Три поваленные прошлогодней бурей сосны? Нет! Бездыханное тело дракона, поверженного былинным богатырем, и три длинные шеи, которые когда-то венчали огромные головы, низвергающие пламя и наводящие ужас. Озеро? Пригорок? Просека? Поляна? Ну что вы! Ты – творец. Все что хочешь, что увидишь, что представишь... Шлеп! Шлеп-Шлеп-шлеп! Шлеп-шлеп! Туман, словно прозрачный серый пух, застревает между зелеными иголками, оседает на них крупными каплями и вниз. Как неумелый радист, торопясь, отбивает азбукой Морзе радиограмму, посылая в итоге в эфир полнейшую абракадабру, так и здесь нет никакой возможности поймать хоть какой-то циклический напев. Слева, справа, ближе, дальше, тише, громче – отовсюду доносятся одиночные, двоянные, строенные щелчки. Это не дождь, когда шум ударов сливается в единый мерный гул. Здесь каждая капелька имеет свою неповторимую нотку... и ты ее слышишь. Шлеп-шлеп, щелк-щелк, цок-цок. Как будто попал в музыкальную шкатулку, исполняющую неведомую дивную, совершенно для тебя непостижимую, но такую завораживающую мелодию.

Прекрасно и удивительно, когда мокрый снег образует на иголках тысячи хрусталиков-капелек, когда иней в крепкий мороз в одночасье покрывает бело-сизой пушистой шалью совсем недавно зеленые лапы, когда резкий порыв или первые крупные капли дождя сбивают пыльцу с молодых шишечек и воздух наполняется ароматом смолы. Когда в сильный ветер залезешь поближе к макушке и, словно в колыбели, крепче держась, качаешься... Наслаждаясь творением, видишь Творца.

«... невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...»

Послание к Римлянам

Святого апостола Павла 1 глава, 20 стих

Зарисовка 5. Про птичку, цветочки и зверушек

Хищная птица стремительно промчалась над головой, умело маневрируя сквозь кроны сосен. При такой скорости вполне хватило бы веточки толщиной с палец, чтобы перебить крыло. Но ни единого перышка не сорвала плотная зелень. Вдруг стало как-то спокойно, вспомнилось:

«... Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

Евангелие от Матфея

6 глава, 26 стих

Водяные лилии (кувшинки, кубышки) в наших краях желтого цвета. Они действительно красивы, но как-то уже примелькались. В этот раз из-за волны шел домой протоками. И вот чудо: чуть в стороне, поближе к берегу, где течение не такое сильное, на краю небольшого залива, усеянного порядком поднадоевшими торчащими палочками с желтыми лепестками, на воде лежали два ослепительно белых цветка... Как долго можно любоваться такой красотой? О чем думать?

«... Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут... Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольме паче вас...»

Евангелие от Матфея

6 глава, 28 стих

На острове в лагерь часто приходят звери. Семья одичавших свиней – папа Свин, мама Свинья и три поросенка (наверняка, Наф-Наф, Нуф-Нуф и Ниф-Ниф) – повадились разрывать наш холодильник. Холодильник – это такая ямка в темной сырой низинке, куда солнечный свет не проникает, соответственно, продукты подольше хранятся. С утра встаешь и немного нервничаешь – за хрюшками доедать неохота. Это надо было видеть, когда сын, весом сорок килограмм, вооруженный огромной дубиной в пылу атаки гнал здоровенного, под сто пятьдесят кило, секача. Мне оставалось с маленьким топориком бежать рядышком и молиться, чтобы эта туша не развернулась в контратаку. Тогда, как у отца, какие есть варианты действий кроме мауглевского «мы принимаем бой»?

Вообще, сынище впечатлительный. Мы отдыхали на другом месте после этого. Сухое лето выдалось. Пожары поблизости вспыхивали с завидным постоянством. То в одном месте полыхнет, то в другом. Стоянку окружала небольшая болотистая низина, поросшая лесом, поэтому огонь не мог пробиться к палаткам. Только маленькая тропинка вдоль берега, словно предатель, знающий тайный вход в осажденный средневековый город, могла дать путь огню... Вот её-то и тушили. Постоянно тушили. Как-то вышли с детьми из своего убежища, чтобы посмотреть, как и где горит. Трехметровое пламя со страшным ревом, пожирая расстояние со скоростью спринтера, кинулось в нашу сторону. Мы убежали, но каждую ночь, со словами: «Мне страшно», – сын приходил засыпать к нам с женой. Даже дома, закрывая глаза в своей постели, ему какое-то время мерещилась огромная стена огня.

Мальчишку в этот раз отвез на турбазу. Это километров семьдесят по воде. Мы с отцом смастерили небольшую шустрюю лодченку в виде мотоцикла, поставили хороший мотор, чтобы была возможность быстренько: туда-сюда слётать за продуктами или отвезти-привезти спешащего гостя. Полтора часа туда, часок там и назад. В принципе, ненадолго оставить жену и дочь одних на острове – ничего страшного. Лодченка прекрасная, только попали мы в град на фарватере, такой, знаете, с крупную горошину. Берег вокруг – камыш, пристать некуда. Едва увидели маленькую прогалину – туда. Бракушники стояли, приютили нас, чаем напоили, дали теплую старую куртку сынуле. Хорошие люди. Принято у волжан помогать друг другу. Переждали ненастье, спокойно доехали, обратно тоже без приключений.

Вот когда сын был на турбазе, к нам и пришел Козел. Не один. С Козой и двумя козлятами. Не знаю что за порода, но красивый, лощеный. Высокий. Его голова была на уровне моих плеч. Подошли вплотную. Он не издал ни звука, не кинул взгляда в сторону своего семейства, но они, как по команде, скрылись в непроходимом буреломе, где, на мой взгляд, пыхтя, застрял бы и ёжик. Ну, а Козел предложил выяснить старым, как мир, способом, кто самец в этой стае. Наклонил голову и пошел на таран.

Поверьте, сломал две палки об него. Нет, прёт, как на буфет. Схватил несколько обломков кирпича (видимо рыбачки, как дополнительный груз, использовали когда-то). Метнул, попал. Соперник отпрыгнул, должно быть, не встречал ранее такого способа ведения боя. Метнул еще раз, он, приобретя болезненный опыт, увернулся. Опять атака. Опять попадание. Оппонент поскакал к девчатам, которые мыли посуду на берегу. Схватил мачете (такой нож, как сабля) – и за ним. Чего греха таить, подумывал уже о шашлычке из козлятинки. Противник принял бой. Последний камень лег точно в цель. Козел не стерпел, убежал, сверкая своими козлиными пятками..., а на данном участке суши доминантной особью оказался я.

Шутки шутками, но это звери. Согласен: не лев, не медведь. Однако вспомнилось:

«... что есть человек... и сын человеческий, что... поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: Овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских...»

Псалтырь.

8 глава, 5,6,7,8,9 стихи

Зарисовка 6. Заключительная. Луна

С детства читал огромное количество литературы о героях. О пионерах-героях и героях-комсомольцах, о героях гражданской, отечественной войны, революции. Позже о героях Первой Мировой, Русско-Японской. О героях в тылу, о героях труда, что так самоотверженно поднимали нашу промышленность. «Улица младшего сына», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке»... Всегда не давал покоя один вопрос: «А что потом?» Реально: а что потом? Вот одни погибли, другие выжили, третьи надорвали свое здоровье ради идеи. Их почитали, почитают, ставят памятники. Одни прожили долгую жизнь, другие и жизни-то не видели. Но они все умерли. А что дальше? Смерть геройская или нет – остается смертью. Что за чертой?

Будучи верующим, был научен о вечной жизни. Ад, рай. Но что такое рай? Что там? Что ждало героев? Что ждет меня? Рай – это, как на картинке, длинные белые женские ночные рубашки, зеленые ветки пальм в руках, как опахало? Маленькие толстенькие младенцы с крылышками? Машем, поем. И так вечность!? Нет, ну это просто ужас какой-то. Конечно,

как альтернатива аду, где жарят на открытом огне или сковороде, то, соглашусь, лучше в ночной рубашке с веткой. Но скучно же, правда? Представляете – ВЕЧНОСТЬ. Неужели никаких других вариантов? А огласите весь список, пожалуйста.

Удивительным был ответ Создателя.

Коса нашего острова выходит на небольшой косогор, где стоит маленькая деревенька. Вид из окон домиков, стоящих на высоком берегу, открывается просто шикарный – коренная Волга и волжские разливы, чарующие своим раздольем. Безлунными ночами присутствие селения выдает лишь три фонаря – два по краям, один посередине, да глупая собака, что, спросо-нья не разобравшись, будит хозяев истошным лаем.

Дети улеглись и мирно посапывали после бесконечных дневных развлечений, способных иссушить даже их бездонные резервуары энергии так, что отключаются прямо за поздним ужином. Мы с женой вышли на косу. Песок уже был холодным, зато не успевшая остыть вода приятно ласкала ступни. Легкий ветерок поднимал мелкую рябь, однако был достаточно силен, чтобы сдуть обратно в чашу тучи прожорливых кровососущих, что нещадно изводят своим назойливым писком мирно отдыхающих островитян. Лес звенел от их бессильной злобы.

Деревня спала. Только три светящиеся точки говорили о ее существовании.

Над косогором поднималась Луна. Огромная, она выкатывалась из темноты, показав прежде явления своего полного величия сначала небольшую светящуюся корочку, потом аппетитный яркий ломоть, затем огненную полусферу... и вот уже на воде нет, не дорожка – широ-ченая лунная трасса, серебрищаяся, мерцающая, завораживающая.

Да, Луна выкатывается. Как колесо, как Солнце. Месяц... , наверное, лучше гоголевского «вырезывается из земли» не подберешь ассоциацию. Действительно, словно росток, пробивающий слой почвы: сначала показывается невзрачный светлый треугольничек, на который и внимания не обратишь. Затем пытаешься понять, что там горит. Светлая пирамида становится все больше и больше. И вот в течение считанных минут яркий серп выплывает на звездную поляну.

Луна поднималась все выше и выше. Медленно набирая силу, холодное сияние стягивало темный покров, приоткрывая все новые и новые детали. Вот проступили выкрашенные свежей известью стены домов, вот уже видны крыши сараев, заборы, столбы. Наконец, подавляя электрический свет фонарей, в самом сердце черной ночи над деревней воцарились прозрачные бледные сумерки.

Звон леса, шорох камыша, теплая волна, серебристая трасса на воде и, как вишенка на торте, венчало совершенство картины набежавшее облако, зигзагом перечеркивающее Луну. ...Любимая женщина и Бог, являющий Себя через великолепие окружающего мира... Пульт, пульт, где найти такую кнопку, чтобы «остановись мгновенье, ты прекрасно», чтобы зафиксировать это состояние, чтобы как можно дольше продолжалось упоение. Внезапно извне пришла мысль: «Это все пройдет, но знай, сейчас ты переживаешь вечность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.